

- Каждый из нас, пятерых братьев и двух сестер, нашел свою правильную дорогу в жизни, пройдя по «Куряевской лесной тропе», - говорит Раис Хусаинович, вспоминая свои детские годы.

— Усадьба наша упиралась в лес, и все мое детство прошло, можно сказать, в лесу, - вспоминает прошлое житель Лямбиря Раис Хусаинович Куряев. – Непростое это было время, но оно в воспитании нашей большой семьи, состоящей из пяти братьев и двух сестер, сыграло большую роль. Чтоб как-то сводить концы с концами, надо было трудиться всем от мала и до велика.

Отец мой, Хусаин Хайруллович, пять лет от начала до победы воевал на фронте. Был он трактористом, доставлял на фронт боеприпасы. Машины не всегда могли пройти по бездорожью прифронтной полосы, и только трактор мог проехать по склонам, рытвинам и ухабам, миновать воронки от бомб и боеприпасов. За таким транспортом немцы устраивали охоту, обстреливали на бреющем полете, порой, пролетали так близко, что через стекло кабины было видно усмехающееся лицо летчика.

В таких передрягах зевать не приходилось: мастерство вождения спасало жизнь. Отец уже спиной чувствовал, когда немец нажмет на гашетку пулемета, и резко тормозил или бросал трактор в сторону. Каждый раз, когда трактор с парой тележек вставал под погрузку снарядов, грузчики-среднеазиаты удивлялись: «Жив еще, малай? А Васка твой товарищ не приехал сегодня».

Не только Ваську нашла немецкая пуля, детонировали под бомбежкой снаряды в кузовах и у других от попадания пуль и бомб, разнося в пух и прах технику вместе с водителем. Отец выжил в этой ежедневной коловерти. Войну закончил в Праге. А вернулся, дал нам семерым жизнь.

Мать наша, Марьям Усмановна, с 1919 года, младше отца на пять лет. В колхозе работала. Тогда сажали горох рядами. На каждого работника распределяли несколько рядов, и в уборку наша мама во главе ватаги детей шла убирать стручки, вышелушивать их в ведра. В поле стояли весы. Учетчик взвешивал содержимое и скрупулезно записывал в тетрадь.

После уборки гороха и еще всевозможных колхозных культур дел в семье не убывало: мы должны были заготовить корм для скота, которого в каждой семье было предостаточно. В нашем дворе кроме коровы, были теленок, овцы, гуси, индюки. И огород требовал неустанной заботы. Подворье нас кормило.

Хотя отец работал трактористом на гусеничном тракторе с фанерной кабиной «ДТ-54» в колхозе «Победа», зарабатывая неплохо, но одеть, обусть, прокормить большую семью было сложно.

В зимнее время отца посылали вытаскивать машины из заносов, которые случались довольно часто. А техника какая была... Без обогрева и трактора и машины. Холод жгучий пробирал до костей. Один шофер сидит в заглохшей машине, утонувшей в огромном сугробе, и молит:

— Хусаин, вытащи машину, ради Бога, замерзну ведь.

Бросить грузовик с набитым добром кузовом нельзя. Украдут – тюрьма. Вытащил отец бедолагу. А у того зуб на зуб не попадает, завел свой транспорт и уехал.

На детях лежала обязанность по заготовке травы, которую мать косила в лесу, а мы возили во двор и сушили. Каждый год нам выделяли участок леса для санитарных рубок. Оттуда и дрова, и сено. Ухаживали за лесом так, что он был чист и прозрачен.

Орешник, сухостой вырезали, и стоял изумительный лес, полный грибов и ягод. К нашей делянке вела тропинка, которая звалась «Куряевская», по нашей фамилии значит. А невдалеке тропинка соседа – «Каракюз» (черный глаз). У каждой тропинки было свое название.

В одном месте у нашей тропинки росли могучие липы. Это было излюбленное место нашего отдыха. Мать тащит телегу с сеном, а мы сзади упираемся головами в поклажу, толкаем. Этот духмяный запах свежего сена до сих пор стоит у меня в мозгу.

Отцу за трудодни выделили зерно. Бывало, запряжет он колхозную лошадь, погрузим в телегу зерно и везем молоть на железнодорожный разъезд Ужовка Горьковской области.

Потом пришло время строить Горьковскую дорогу. Объявили сплошную рубку в месте будущей просеки. Все обрадовались: деловой лес задарма. С нашей улицы старик со старухой свой участок нам отказали, мол, немогут рубить и вывозить бревна. А мы и рады. Ни сучка никто не оставлял в лесу, пеньки корчевали. Тогда же мы о газе слыхом не слыхивали, топили дровами. Пеньки, по-татарски мукорь, грузили в тележку самодельную, увязывали лыком, содранным тут же с молодой липы. Непростой была наша жизнь. В ее насыщенной повседневности не было места аморальности.

Вот и выросли мы здоровыми и чистыми душой на свежем воздухе и в труде. Каждый нашел свою стезю в жизни, пройдя по Куряевской лесной тропе, выбился в люди.

Н. Дюжев